

Глеб Иванович Успенский

**Дополнение к рассказу
«Квитанция»**

Глеб Иванович Успенский
Дополнение к
рассказу «Квитанция»
Серия «Живые цифры», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665835

Аннотация

«...О нарушении семейных устоев в деревне во время развития капитализма и о горькой судьбе женщин и детей на фабрике Успенский не раз писал в своих произведениях, начиная с середины 70-х годов... В изображении тяжелого положения женщины на капиталистической фабрике Успенский близок описанию жизни английских работниц в труде Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»...»

Содержание

1	4
2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глеб Иванович Успенский

Дополнение к рассказу «Квитанция»

1

Квитанция, оставшаяся в моих руках после неожиданной встречи с белошвейкой, в такой степени приковала к себе мое внимание, что я до сих пор не могу еще перейти к оживлению иных статистических цифр и не могу оторваться от размышления об этих крупного и мелкого размера дробях, кишящих в живой жизни кругом меня в несметном множестве. Быть дробью, потерять самое право думать о своем существовании, как о чем-то напоминающем «целое», — удел всякого живого существа в строе современной купонной жизни, и вот почему такая прискорбнейшая дробь, как одна сотая матери, выработанная всем строем этой жизни, сосредоточила мое внимание именно на коренных особенностях этого строя. Строй народной, трудовой жизни тем и отличается от купонного, то есть труженического, батрацкого, изнуряющего личность человеческую, что в нем человек всеми возможными способами добивается права чувствовать себя целым числом, а не дробью, жить на свете, не покупая

чужого труда и не продавая своего, то есть жить, сохраняя свою совесть и удовлетворяя полноте ее потребностей.

Отличным примером упорства отстоять трудовую жизнь против «купонной» может служить весьма любопытная статья г-на Рейнгардта, о которой весьма не мешает сказать несколько подробнее потому именно, что в ней рассказывается о крестьянских, привыкших к самостоятельной жизни, женщинах и девушках, не желавших добровольно превращаться в дробь и сотые части.

Статья эта изображает «Девичий бунт на Урале в 1839 году» и объясняет возникшее волнение так: «Промысловые работы (как и вообще фабричные, поденные работы «из-за хлеба») должны были наводить ужас на всех *честных* женщин, пред глазами которых прошли несчастные *опозоренные* жертвы с их навеки загубленной жизнью... *Материальные* выгоды и *веселая жизнь* внушали *глубокое отвращение* этим простым, но честным натурам, которые предпочитали тихую, хотя и бедную жизнь *в своей* семье...»

И во имя этого уважения к своей чести и к своему человеческому достоинству – «женщины в своей энергической оппозиции заводууправлению действовали вполне самостоятельно, без всякой активной поддержки со стороны мужчин. Право, за которое боролись они, заключалось в охране нравственной чистоты, в поддержании достоинств честной женщины, что возможно было для них только в семейной жизни...», то есть в трудовой жизни *своего* хозяй-

ства.

Бунт крестьянских девиц, приписанных к горным заводам, начался вследствие слуха о том, что получен указ, запрещающий женский промысловый труд. Собственно говоря, никакого закона о труде женщин не существовало: заводовладельцы из дворян владели крестьянами на основании крепостного права и распоряжались поэтому своим народом «как им было угодно», то есть одинаково пользовались трудом как мужчин, так и женщин, — а с них, заводовладельцев-дворян, «взяли пример» и владельцы заводов, принадлежавшие к купеческому сословию, имевшие право только на мужской труд приписных крестьян. Эксплуатировать труд женщин они по закону «не имели никакого права» и, чтобы добиться этого права, обратились в тридцатых годах к министру финансов с ходатайством о разрешении употреблять женщин в работы *за надлежащее вознаграждение*. Министр финансов удовлетворил ходатайство, причем установил на этот предмет определенные правила.

Таким образом «вознаграждение», расчет на «нужду» явились соблазнами женщин и девушек, и «рубль» стал отрывать их от дома и семьи. Но, несмотря на силу рубля, народное хозяйство было еще так прочно, что даже десятилетний опыт развращения и разрушения семьи не принес никакого существенного результата. Едва в 1839 году прошел слух, что существует указ, запрещающий женщинам поденную работу, как мгновенно поднялось все женское насе-

ление, заявляя громкий протест против «материальных выгод», которыми их хотели оторвать от «невыгодной» жизни и бедности своего дома.

«1-го октября 1839 года девушки должны были собраться на работы в полном составе, то есть 212 человек, но их явилось только 12, прочие же остались дома, объявив заводским служащим решительным тоном, что они *никогда* не будут работать на приисках».

А ранее этого те же девушки отказались и от полевых работ.

Об этом сопротивлении было донесено хозяевам заводов в таком виде:

«По распоряжению конторы, мы производили высылку на промысла *девок женского пола*, при каковом наряде за одних матери, за других отцы, а другие сами идти на работу отказались, сказывают... что женскому полу в работе находиться не подлежит: отчего довольное количество препятствуют – не идут на работы».

Многие матери и отцы «категорически и громогласно» объявили, что «дочерей своих в работы не пустят». Такое упорство заставило заводское начальство потребовать, откуда следует, «энергических мер». «Желая предупредить, – пишет начальство, – развитие духа неповиновения, главное правление обязанностью своею постановляет покорно просить ваше благородие, по получении сего, по важности обстоятельств, отправиться без промедления в К-ий завод и

оказавшийся дух неповиновения строгими и быстрыми мерами пресечь; а для содействия вам теперь же отправляется товарищ управляющего, артиллерии поручик Петров».

«Его благородие» и господин Петров приехали и приняли меры, сначала, конечно, «кротким образом внушив о безусловном повиновении заводскому начальству». Но, увы! «Они же (доносит «его благородие»), бунтовщицы, не давая словам моим вероятия, решительно отозвались, что в работы не пойдут до тех пор, покуда я не объявлю им указа, по которому они наряжаются на работу, и не дам им в том какую-то расписку. На представление мое им, что требование их сумасбродно и обнаруживает одну их дерзость, они оставались в своем упорстве...» «Дабы не подать повода к неповиновению и прочим заводским людям, я, руководствуясь (следуют статьи XIV тома свода законов) о предупреждении и пресечении преступлений, вынужденным нашелся к приведению в повиновение девок употребить исправительные полицейские меры, для этого намерен был одну из более упорствующих наказать розгами, но толпа девок сделала при этом шумный крик; однакож, несмотря на это, одна из толпы была взята и подвергнута наказанию двумя ударами розог. Эта мера имела весьма благоприятное действие на девок, ибо многие из них тотчас согласились вступить в работу...» «За всем тем, пять девок, а именно: Агафья Гребенщикова, Василиса Быкова, Марья Сосекина, Анна Баранова и Наталья Плотникова, остались в непреклонности и от вступления в

работы решительно отказались...» «О таком неповиновении заводских девок донося вашему высокопревосходительству, осмеливаюсь всепокорнейше просить, не благоугодно ли будет приказать к приведению в повиновение означенных пяти девок употребить надлежащие меры»...

Прошло пятьдесят лет, и то, что не было вполне достигнуто при помощи благоприятных мер, сделалось «само собой» на совершенно других уже основаниях! Теперь заводская жизнь, говорит г-н Рейнгардт, «представляет много удовольствий для усердных поклонников Киприды. На золотых приисках работает много женщин и девушек, между которыми попадаются очень хорошенькие, даже в полном смысле красавицы. Они (уже) неприхотливы, отличаются большой снисходительностью, так что за хорошенький платок, кусок ситцу, даже за фунт кедровых орешек готовы подарить своим благосклонным вниманием первого встречного ловеласа. Вот почему (!) *всякий* (!), отправляющийся на промысла, запасается *предварительно* (!) платочками, ситцами в полной надежде на успех и, конечно, почти никогда не ошибается. Успех очень часто превосходит ожидания!...» «Люди практические, опытные запасаются на этот предмет самыми *разнообразными* материями, потому что брать хотя и много, но все одного и того же качества бывает весьма неудобно, как показал пример некоего N, который с любовью к прекрасному соединял аккуратность и расчетливость. Отправляясь на прииски, он закупил на дешевой распродаже массу сит-

цу совершенно *одинакового* рисунка... *Чрез три недели* после прибытия его на прииск, в один праздничный день, на местном гулянье явились *около 60* местных работников, одетых в одинаковые платья, будто по форме. Нетрудно было догадаться, что все эти особы в течение короткого времени пользовались вниманием этого господина, что дало повод местным шутникам (а не шутники что же?) говорить, что это форма «непременных работников» (на основании 448 статьи VII тома Горного устава о непременных работниках). Но как ни весела (!) жизнь на промыслах, положение женщин там далеко не приглядно».

Такие успехи растления нравов, повторяю, мы не можем приписать в данном случае исключительно какому-нибудь несправедливому указу или какому-нибудь насильственному мероприятию. Теперешние несчастные женщины идут на свою гибель уж без участия «благоприятных» мер.

2

В дальнем море, на каменной скале, стоит гигантская статуя «Свободы». Франция подарила эту статую Америке. На огромном пьедестале поставлена величественная фигура женщины с поднятым над головою электрическим факелом. Высоко, чуть не в облака, подняла эта женщина свой факел; огромный стеклянный фонарь, в котором пламенеет огромный клубок электрического света, далеко разливает ослепительные лучи, пронизывая их широкими размахами туманы, тучи, нависшие над землей, стелясь прямо белую дорогою по бушующим волнам океана и возносясь в самую глубину неба. Много добра приносит статуя путнику, застигнутому бурей. Издалека, за сотни верст, видит он этот свет и правит на него свой пароход, спасает свой товар! Но ведь надо

знать,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.